

НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР

РАЙЛИ
СЕЙГЕР

ПОСЛЕДНИЕ ДЕВУШКИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

С28

Riley Sager

FINAL GIRLS

Серия «Новый мировой триллер»

Печатается с разрешения агентств

Kuhn Projects и Synopsis Literary Agency.

Перевод с английского *Виктора Липки*

Под редакцией *Валентины Люсиной*

Оформление обложки *Ольги Жуковой*

Сейгер, Райли.

С28   Последние Девушки / Райли Сейгер ; [перевод с английского В. Липки]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 480 с.

ISBN 978-5-17-137315-3

Десять лет назад Куинси Карпентер поехала отдыхать в «Сосновый коттедж» с пятью однокурсниками, а вернулась одна. Ее друзья погибли под ножом жестокого маньяка. Журналисты тут же окрестили ее Последней Девушкой и записали третьей к двум выжившим в похожих бойнях: Лайзе и Саманте. Вот только в отличие от них Куинси не помнит, что произошло в том коттедже. Ее мозг будто бы спрятал от нее воспоминания обо всех кровавых ужасах. Куинси изо всех сил старается стать обычным человеком, и ей это почти удается. Она живет с внимательным и заботливым бойфрендом, ведет популярный кондитерский блог и благодаря лекарствам почти не вспоминает о давней трагедии.

Но вот Лайзу находят дома, в ванне, с перерезанными венами, а Саманта врывается в жизнь Куинси с явным намерением перевернуть ее страшное прошлое и заставить вспомнить все. Какие цели она преследует? Постепенно Куинси понимает, что, только вспомнив прошлое, она сможет разобраться с настоящим. Но не окажется ли цена слишком велика?

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Riley Sager, 2017

© Липка В., перевод, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2023

ISBN 978-5-17-137315-3

Посвящается Майку

«Сосновый коттедж»

1:00

У леса были когти и зубы.

Все его булыжники, шипы и ветки набросились на нее, когда она с криком ринулась через чащу. Но это ее не остановило. Ни когда в ступни босых ног вонзились острые камни, ни когда по лицу хлестнула тонкая, будто хлыст, ветка и по щеке побежала струйка крови.

Остановиться было нельзя. Остановиться означало умереть. Поэтому она продолжала бежать, даже когда вокруг лодыжки обвилась колючая лоза и принялась рвать ее плоть. Лоза натянулась, дрожа, но Куинси неслась вперед с такой скоростью, что ей удалось высвободиться. Она не знала, было ли ей больно. Страдания в ее теле и без того уже было больше, чем оно могло вместить.

Вперед ее гнал инстинкт. Неосознанное чувство, что надо двигаться дальше, несмотря ни на что. Почему — она уже забыла. Воспоминания о случившемся пять, десять, пятнадцать минут назад из памяти стерлись. Если бы ее жизнь зависела от того, будет ли она помнить события, заставившие ее броситься через заросли, она

Райли Сэйгер

наверняка упала бы прямо на лесную подстилку и тут же умерла.

Поэтому она бежала. Она кричала. И старалась не думать о смерти.

Вдали, на прячущемся за деревьями горизонте, мелькнул слабый отблеск.

Фары.

Неужели она вышла к дороге? Куинси надеялась, что да. Вместе с воспоминаниями она напрочь утратила и ориентацию в пространстве.

Она закричала громче и метнулась навстречу свету. По лицу стеганула еще одна ветка, толстая, как скалка. От удара Куинси ослепла и замерла на месте. В голове взорвалась боль, перед затуманенным взором замелькали голубые искорки. Когда взгляд прояснился, она увидела стоявший в свете фар силуэт.

Мужчина.

Он.

Нет. Не Он.

Кто-то другой.

Она в безопасности.

Куинси прибавила шагу и вытянула вперед окровавленные руки, как будто это могло приблизить ее к незнакомцу. От этого жеста плечо полыхнуло болью. А вместе с болью вернулось даже не воспоминание, а, скорее, осознание — жестокое и ужасное, каким может быть только правда.

Осталась только она.

Все остальные умерли.

Она единственная осталась в живых.

Когда раздаётся звонок Джеффа, мои руки сплошь покрыты сахарной глазурью. Несмотря на все усилия, французский кондитерский крем не хуже клея облепил пальцы и межпаланговые промежутки. Чистым остался только мизинец, которым я нажимаю на телефоне кнопку громкой связи:

— Частное детективное бюро «Карпентер и Ричардс», — я стараюсь говорить с придыханием, словно секретарша из какого-нибудь нуарного фильма. — Чем могу быть вам полезна?

Джефф, подыгрывая мне, отвечает голосом крутого парня, который звучит, как нечто среднее между Робертом Митчемом* и Дэной Эндрюсом**.

— Пригласите к аппарату мисс Карпентер. Мне нужно безотлагательно с ней поговорить.

— Мисс Карпентер чрезвычайно занята. Вы не могли бы оставить ей сообщение?

---

* Роберт Митчем (1917–1997) — американский киноактер, сценарист и продюсер. Лауреат премии «Золотой глобус» за вклад в киноискусство (1992).

** Дэна Эндрюс (1909–1992) — американский актер.

— Разумеется, — отвечает Джефф, — скажите ей, что мой вылет из Чи-Тауна* задерживается.

Я тут же сбрасываю маску.

— Ох, Джефф... Правда?

— Мне очень жаль, дорогая. Улететь из Города Ветров** всегда было делом проблематичным.

— И долго ты там проторчишь?

— От двух часов до «когда-нибудь на следующей неделе», — говорит Джефф. — Надеюсь, достаточно долго для того, чтобы Сезон выпечки начался без меня.

— Ну что за отстой, а.

— Как там оно, кстати?

Я опускаю глаза на руки:

— Грязно.

Сезоном выпечки Джефф называет изматывающий период с начала октября по конец декабря, когда один за другим идут праздники, а с ними десерты. Эту фразу он любит произносить зловеще, поднимая вверх руки и шевеля пальцами, будто паук лапками.

По иронии судьбы мои руки покрыты кондитерским кремом как раз из-за паука. Сделанный из черного шоколада, он балансирует на капкейке: тельце по центру, черные лапки протягиваются вбок и вниз. Когда я закончу, капкейки будут аккуратно расставлены, сфотографированы и выложены на моем сайте под рубрикой «Идеи выпечки на Хэллоуин». Тема этого года заявлена как «Месть Лакомки».

— Как там аэропорт? — спрашиваю я.

---

* Чи-Таун — так жители южных штатов США называют Чикаго.

** Город Ветров — еще одно название Чикаго.

Последние Девушки

— Толкучка. Но я надеюсь спастись, укрывшись в баре моего терминала.

— Позвони мне, если рейс задержат надолго, — говорю я, — я буду здесь, вся в шоколадной глазури.

— Пеки навстречу ветру, — отвечает Джефф.

Дав отбой, я возвращаюсь к пауку из кондитерского крема и к шоколадно-вишневому капкейку под ним. Если сделать все правильно, то стоит его разочек откусить, как тут же покажется красная начинка. Но это можно будет испробовать позже. Пока же я сосредоточу внимание на его внешнем виде.

Украшать капкейки намного труднее, чем кажется. Особенно если результат потом намереваешься выложить в Интернет на обозрение тысяч людей. Потехи и пятна не допускаются. В мире высокого разрешения любой недостаток тут же бросается в глаза.

«Уделяй внимание деталям».

Это одна из Десяти заповедей моего сайта, втиснувшаяся между двумя другими: «Мерные стаканчики — твои друзья» и «Не бойся потерпеть неудачу».

Когда я покончила с первым капкейком и принялась за второй, вновь зазвонил телефон. На этот раз в моем распоряжении не осталось ни одного чистого мизинца, и я вынуждена пропустить звонок. Телефон продолжает жужжать и медленно ползет по столешнице. Потом умолкает, но уже через несколько мгновений издает контрольный сигнал.

Эсэмэска.

Заинтригованная, я откладываю кондитерский мешочек, вытираю руки и беру телефон.

Сообщение от Купа.

«Надо поговорить. С глазу на глаз».

Пальцы замирают над дисплеем. Хотя Купу требуется три часа, чтобы добраться до Манхеттена, раньше он с удовольствием проделывал этот путь. Если это действительно было важно.

Я пишу: «Когда?»

Его ответ приходит через пару секунд: «Прямо сейчас, на нашем месте».

В основании позвоночника зарождается очаг тревоги. Куп уже здесь.

Это может означать только одно — что-то случилось.

Перед тем, как выйти из дома, я произвожу все традиционные приготовления к встрече с Купом. Чищу зубы. Крашу губы. Глотаю успокаивающее. Запиваю голубую таблеточку виноградной газировкой прямо из бутылки.

В лифте вспоминаю, что не переоделась. На мне по-прежнему моя униформа для выпечки: черные джинсы, старая Джеффова рубашка и красные туфли без каблука. Все припорошено мукой и покрыто пятнами от пищевого красителя. Я замечаю на тыльной стороне ладони полоску высохшей глазури — сквозь синее черное пятно проглядывает кожа. Похоже на синяк. Я слизываю корку.

Выхожу на Восемьдесят вторую улицу, поворачиваю направо на Колумба, по которой уже движется плотный поток пешеходов. При виде такого количества незнакомых людей тело напрягается. Я останавливаюсь и одеревеневшими пальцами лезу в сумочку, где у меня всегда лежит перцовый баллончик. Толпа, конечно же, гарантирует безопасность, но вместе с тем вселяет чувство неуверенности. И только отыскав баллончик я иду

дальше, придав лицу сердитое выражение, красноречиво свидетельствующее, что меня лучше не трогать.

Несмотря на солнце, воздух пронизывает прохлада. Обычная картина для начала октября в Нью-Йорке: в это время холод и жара сменяют друг друга в произвольном порядке. Но все-таки осень стремительно настукает. Когда становится видно парк Теодора Рузвельта, я замечаю, что золотистой и зеленой листвы там примерно поровну.

За ее завесой можно различить зады Музея естественной истории, рядом с которым нынешним утром столпились школьники. Их голоса порхают между деревьев, будто птицы. Вдруг кто-то из них издает пронзительный крик, и остальные умолкают. Всего на секунду. Я замираю на тротуаре, встревоженная не столько криком, сколько последовавшей за ним тишиной. Но потом вновь становятся слышны голоса, и я успокаиваюсь. Теперь я направляюсь в кафе, расположенное в двух кварталах к югу от музея.

Наше обычное место.

Куп ждет меня за столиком у окна, выглядит он как обычно. Грубое лицо с резкими чертами, которое в минуты расслабления, такие как сейчас, становится задумчивым. Сам он высокий, но вместе с тем и крепко сбитый. Большие руки, вместо обручального кольца — перстень с рубином, из тех, что дарят выпускникам. Единственная перемена кроется в его коротко подстриженных волосах: с каждой встречей я замечаю в них все больше седых прядей.

Он обратил на себя внимание всех няnek и обкофенных хипстеров, заполонивших кафе. Кто еще может так взволновать публику, как полицейский при полном

параде? Правда, Куп и без формы выглядит грозно. Крупный мужчина, сплошь состоящий из перекачывающихся под кожей мышц. Его габариты еще больше подчеркивают накрахмаленная голубая рубашка и черные брюки с безукоризненными стрелками. Когда я переступаю порог, он поднимает голову. В его взгляде сквозит усталость. Скорее всего, он приехал, отработав в третью смену.

На столе уже стоят две чашки. Чай «Эрл Грей» с молоком и дополнительным кусочком сахара для меня. И кофе для Купа. Черный. Горький.

— Куинси, — произносит он, кивая головой.

Он всегда кивает. Кивок заменяет Купу рукопожатие. Мы никогда не обнимаемся — с тех самых пор, как я в отчаянии обхватила его в ту ночь, когда мы познакомились. Сколько бы я с ним ни виделась, то мгновение каждый раз крутится в голове, пока я его от себя не отгону.

«Они все мертвы!» — судорожно схватившись за него, я с трудом выдавила тогда из себя эти слова, застрявшие в горле. — «Они все мертвы. А он все еще где-то здесь».

Десять секунд спустя он спас мне жизнь.

— Все это довольно неожиданно, — говорю я, садясь напротив.

Я тщетно пытаюсь унять дрожь в голосе. Не знаю, зачем Куп меня позвал, но если у него плохие новости, я хочу выслушать их спокойно.

— Отлично выглядишь, — говорит Куп, окидывая меня быстрым, оценивающим взглядом, к которому я давно привыкла, — хотя и немного похудела.

Его голос тоже выдает тревогу. Он наверняка сейчас думает о том, как через полгода после событий в «Сосновом коттедже» я настолько потеряла аппетит, что, в конечном итоге, оказалась на больничной койке, где меня принудительно кормили через трубочку. Помню, что, когда проснулась, Куп стоял у моей кровати и не сводил глаз с торчавшего у меня из ноздри узкого пластикового шланга.

«Не разочаровывай меня, Куинси, — сказал он, — в ту ночь ты выжила не для того, чтобы теперь так глупо умереть».

— Ничего страшного, — отвечаю я, — просто до меня наконец дошло, что не обязательно в одиночку съедать все, что я пеку.

— И как успехи? У твоей выпечки?

— Отлично. За последние три месяца у меня появилось пять тысяч новых подписчиков и еще один крупный рекламодатель.

— Здорово, — отвечает Куп, — рад, что у тебя все хорошо. Испеки как-нибудь что-нибудь для меня.

Подобно кивку головы, эта просьба стала для Купа еще одной константой. Так он говорит каждый раз, но это просто формула вежливости.

— Как Джефферсон? — спрашивает он.

— Неплохо. Управление государственной юридической защиты недавно назначило его ведущим адвокатом по крупному, многообещающему делу.

Я умалчиваю, что защищать придется человека, обвиняемого в убийстве полицейского в ходе неудачного антинаркотического рейда. К работе Джеффа Куп и так относится свысока, поэтому подливать еще больше масла в огонь нет никакой надобности.

— Рад за него, — говорит он.

— Сейчас он в отъезде, ему пришлось на два дня улететь в Чикаго, чтобы снять показания членов семьи. Он говорит, это смягчит присяжных.

— Хмм... — невпопад отвечает Куп. — Полагаю, предложения тебе он так и не сделал.

Я качаю головой. Я думала, что Джефф собирался сделать предложение во время нашего отдыха на Внешних отмелях, и рассказала об этом Купу. Но кольца все не было. На самом деле, из-за этого-то я и похудела. Я стала одной из тех девушек, которые ежедневно выходят на пробежку только ради того, чтобы влезть в воображаемое свадебное платье.

— Я все еще жду, — говорю я.

— Все будет.

— А как ты? — спрашиваю я, решая немного его поддразнить. — Нашел себе в конце концов девушку?

— Не-а.

Я выгнула бровь.

— Парня?

— Я приехал сюда ради тебя, Куинси, — произносит Куп, даже не думая улыбаться.

— Разумеется. Ты спрашиваешь. Я отвечаю.

Именно так всегда и происходит во время наших встреч, случающихся один, два, самое большее три раза в год. Чаще всего его визиты напоминают сеансы психотерапии, и у меня так и не получается задать Купу встречные вопросы. О его жизни я осведомлена лишь в самых общих чертах. Ему сорок один год, перед тем, как стать полицейским, он служил в военно-морском флоте. Его едва перестали считать новичком на тот момент, когда он нашел меня орущей в лесу. И хотя мне

известно, что он продолжает патрулировать тот самый город, где произошли все эти ужасы, я понятия не имею, счастлив ли он, доволен ли он своей жизнью. Одинок ли он. Он никогда не напоминал о себе в праздники. Не присылал на Рождество открыток. Девять лет назад, когда хоронили моего отца, он сидел в заднем ряду и выскользнул из церкви до того, как я успела поблагодарить его за участие. Что-то похожее на теплые чувства он демонстрирует только на мой день рождения, всегда присылая одну и ту же эсмэску: «Еще один год, которого могло бы не быть. Наслаждайся жизнью».

— Джефф созреет, — говорит Куп, в который раз меняя тему по собственному усмотрению. — Готов спорить, это случится на Рождество. Парням нравится делать в этот день предложение.

Он делает глоток кофе. Я потягиваю чай и утомленно зажмуриваюсь в надежде почувствовать в темноте действие успокоительного. Однако я чувствую, что моя тревога только усилилась.

Я открываю глаза и вижу, как в кафе входит хорошо одетая женщина с пухлым, тоже нарядным малышом. Наверное, няня-иностранка. Как и большинство женщин до тридцати в этом районе. В теплые солнечные дни на здешних тротуарах можно наблюдать плотный строй совершенно одинаковых недавних выпускниц, вооруженных филологическими дипломами и студенческими займами. Эта девушка привлекла мое внимание только потому, что мы с ней похожи. Свежее, ухоженное лицо. Белокурые волосы, стянутые в хвостик. Не слишком тоненькая, не слишком полная. Образчик веселой, вскормленной на молоке жительницы Среднего Запада.